

БОЛЬШОЙ ПОЭТ

(К 25-летию творческой деятельности Н. Н. Асеева)

В 1914 г. в Москве вышла тоненькая книжка стихов в 32 страницы. На обложке среди пляшущей заушной графички плясали и буквы: «Николай Асеев. Ночная Флейта. Книгоиздательство «Лирика», Москва, 1914». Имя поэта прозвучало впервые. В этих первых стихах рождалась одинокая душа юноши. За ними угадывалось пристрастие к Гофману и другим романтикам; в них прошли призрачные картины ночного города; ритм был прерывист и тревожен, словарь сочтат тяжелые архаизмы и нарочито городской жаргон. Все это, включая и новаторство, было не только индивидуальным, но и типичным для того времени. Так — в тончайших переливах и нюансах городской, сумеречной лирики — кончался перед войной русский символизм.

С тех пор, как вышла «Ночная Флейта», прошло двадцать пять лет. И вот сегодня вся советская общественность празднует двадцатипятилетие литературной деятельности одного из самых любимых своих поэтов. С волнением и радостью прочли мы месяц тому назад его имя в списке писателей, награжденных правительством орденом Ленина за выдающиеся заслуги и успехи в развитии советской литературы. Имя Николая Асеева знает миллионная масса читателей. Его творчество — неотъемлемая часть нашей молодой культуры, одно из ее бесспорных и звонких украшений.

Двадцать пять лет труда лирического поэта. Новаторство в ритмах, в рифме, в песенной и говорной интонации, в языке, изощренные поиски в недрах родного языка, поиски себя и своего голоса, — и параллельно этому открытая, ничем и никак не омраченная, воинственная преданность делу рабочего класса; желание быть застрельщиком на передовой линии огня; веселая учеба — в газете и на плакате — агитационному стиху, пронзительной, как пуля, отточенной и звонкой строке; пора возмужалости, проведенная рядом, плечом к плечу с Маяковским. Книжки, баллады и поэмы, лирические обращения и песни, сказки и притчи, использующие богатства фольклора, — и если еще раз перечитать все это, перед нами пройдут годы и этапы нашего собственного роста.

Асеев — лирический поэт. Лирический по преимуществу. С какой упительной, нежнейшей силой звучали его обращения к родной природе, к родным и славным рекам — Днепру, Дону и Волге. Он вслушивался в рокотанья морских валов, в голоса иволг и чаек. Недаром в годы империалистической войны Асеев, как никто, говорил щемящие слова о рощенной, истерзанной железом природе:

Где разом сарматские реки,
стибаясь железной дугой,
открыли ледяные веки
и берег явили нагой

Полков почерневшая копать
обвешала горные тропы,
им любо, им бешено топтать
в обмерзшие ушп Европы...

С лирическим ощущением мира, с верностью природе связан песенный дар Асеева. Его старые «Песня Ондрия», «Самый быстрый», «Пляска» и особенно «Песня сотен» были чудесным накоплением ритмического мастерства и свободы дыхания в песне. В годы революции эта свобода оказалась одним из очень дорогих достояний Асеева. В песенном жанре он явился изобретателем, чрезвычайно чутким к родному языку и его ритмическим законам.

Асеев остро чувствует поступь времени и свое собственное должествование — долг поэта быть всегда вровень с временем. В этом он и друг, и соратник, и продолжатель Маяковского. Он знает и любит сегодняшний час истории и живет в нем — до конца, привольно, по великому праву

современника и сверстника эпохи. И в этом тоже его лирическая сила. С ранней поры в его стихах говорит чувство кровной связи с родной землей, и эта связь с родной осталась у Асеева до сегодня, как личная лирическая тема. Она его животворяет во всем, вплоть до языковой наблюдательности, о которой уже сказано, но сказано недостаточно. Каждый поэт обязан быть, в силу своей роли в культуре, хоть немного и лингвистом. Особенно обязан в условиях нашей братской культуры, поднимающей целины народных эпох, столетия лежавших под спудом. И здесь работа Асеева над словом, над коренным достоянием поэзии, неопценима.

Живой, впечатлительный, прихотливый Асеев прежде всего лирик, сплывший в переливах свободного говорного стиха. Такими были его песни о беспризорных, его страстные обращения к Москве:

...тебя мы, взмывши роem,
и вылушим, и вылошим,
и слова перестроим.
И, грозный праздник празднуя,
над дней былых тоскою, —
ты станешь нашей, красною,
железною Москвою

Так же звучала страстная требовательная речь советского человека, высоко несущего свою правоту и искренность, во всех лучших созданиях Асеева, в «Лирическом отступлении», в «Семени Проскакове», в «Свердловской буре», во всех замечательных стихах, посвященных молодежи.

В последней лирической книге Асеева («Высокогорные стихи», 1938 г.) та же требовательная речь, то же обращение ко времени, та же воля к познанию мира, с тем, чтобы его переделать:

Чтоб задача была решена,
Чтобы губы мои
не мертвели,
Чтоб кололась в куски тишина
Под гортанным напевом кавказели.
Чтоб не в горнах глухих кустарей
Пламенело железо тугое;
Чтоб никто не успел постареть,
Не увидев здесь время другое.

Значительным явлением в советской поэзии является еще не законченная работа Асеева — поэма «Маяковский начинается». Ее замысел столь же грандиозен, сколько трогателен: показать юность великого друга в окружении социальной и бытовой среды, отшумевших литературных дряг, на историческом фоне наших великих городов; показать юность Маяковского с правдивостью историка и с личным пристрастием участника борьбы. У нас нет права судить о целом, еще не законченном. Но главы, опубликованные им, позволяют угадывать очертания поэмы. Конечно, она — самое значительное из всего сделанного им до сей поры. Самое значительное и самое трудное. Став автором развернутого реалистического повествования, Асеев не утратил, не стер в себе черт лирика. Поэму пишет тот же лирический поэт, страстный, непримиримый к половинчатой вялости, к посредственной середине. Он умен, много видел, много пережил, прошел всю нашу страну, был активным участником ее строительства, активным участником в борьбе за лучшую жизнь человечества.

Двадцатипятилетие работы — это середина жизненной дороги. Ее обозначают ворох книг, опыт замечательного мастера, ранняя седина и юношеский блеск в синих глазах. Праздник Асеева — это большой день советской поэзии. Наше искусство живет и будет жить века, оставшись ярким документом сталинского времени. Николаю Асееву принадлежит бесспорное место в передовом, головном отряде работников и бойцов нашей культуры.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ.